

ПРОТЕСТАНТСКАЯ СМУТА ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ XVII-ГО ВѢКА ¹⁾.

II.

(Кирилль Лукарисъ, патріархъ александрійскій: переписка его съ голландскимъ проповѣдникомъ Утенбогертомъ и архіепископомъ кантербурійскимъ;—взгляды Кирилля, выраженные въ письмахъ его къ кальвинисту Давиду—Вильгельму и архіепископу Дедоминисъ;—появленіе недовольства этими взглядами среди Грековъ.—Кирилль Лукарисъ патріархъ Константинопольскій: продолженіе его сношеній съ Англією;—появленіе въ Константинополѣ кальвинскаго пастора Лежера, обличеніе съ нимъ Кирилля, вліяніе его на этого послѣдняго; письма Кирилля къ женецкому богослову Діодати и королю шведскому Густаву-Адольфу.—„Исповѣданіе вѣры“ Кириллово,—содержаніе этого исповѣданія,—характеръ его;—какъ пришелъ авторъ его къ мысли составить это исповѣданіе?—Обнаруженіе недовольства образомъ мыслей Кирилля во время его ков-польскаго патріаршествованія.—Письма Кирилля къ протестантамъ въ послѣдніе года его жизни.—Одна изъ попытокъ объяснить указанный выше образъ дѣйствій Кирилля.— поправка къ этому объясненію.)

Кирилль Лукарисъ проходилъ патріаршее служеніе сначала въ Александрію (1602—1621 г.), а потомъ въ Константинополь (1621—1638 г.). Изъ его дѣятельности, сообразно нашей задачѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія его сношенія съ представителями протестантскаго міра и отношенія къ нимъ ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. *Богосл. Вѣст.* Апрель, стр. 631—654.

²⁾ Важнѣйшими источниками при изученіи вопроса служатъ слѣдующія изданія: 1) Аumon. *Monuments authentiques de la religion des Grecs* (la Haye, 1708), въ которомъ напечатана серія писемъ Кирилля къ разнымъ протестантамъ (Объ этомъ изданіи см. выше, стр. 49—52, или: *Богосл. Вѣст.*, 1894, т. 1, 535—538).—2) *Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages, publiés par des Grecs au XVII siècle.*

Болѣе извѣстные и опредѣленные факты въ этомъ родѣ относятся къ среднѣмъ патріаршествованію Кирилла въ Александріи; на нихъ прежде всего и остановимся. Въ качествѣ Александрійскаго патріарха, Кириллу приходилось нерѣдко бывать въ Константинополь, а разъ даже въ 1612 году онъ оставался довольно долго здѣсь въ званіи мѣстоблюстителя патріаршаго престола, и имѣлъ случаи познакомиться съ

Томе IV, Paris, 1896). Здѣсь переизданы многіе изъ тѣхъ документовъ которые ранѣе были напечатаны у Аумона, переизданы въ болѣе исправномъ видѣ и къ нимъ прибавлено много новыхъ. Книга Леграна сдѣлалась необходимѣйшимъ и лучшимъ источникомъ свѣдѣній о Кириллѣ. Самъ этотъ ученый придаетъ большое значеніе своему изданію въ этомъ отношеніи, и съ нимъ нужно согласиться. Жаль только, что Легранъ не сдѣлалъ очерка жизни Кирилла Лукариса, на что читатели вправѣ были бы разсчитывать. Сколько знаемъ, не смотря на важность разсматриваемаго тома Легранова изданія, онъ еще никѣмъ не былъ употребляемъ въ интересахъ изученія греческой церкви. Аѳинскій профессоръ церковной исторіи, Кириакъ въ изданной имъ въ 1898 году „Церковной Исторіи“ (о ней мы упоминали выше) не показываетъ знакомства съ изданіемъ Леграна, даже съ первымъ томомъ его (явившемся еще въ 1894 году), очень немаловажнымъ въ вопросѣ о Кириллѣ Лукарисѣ.—Назъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ изученію Кирилла, упомянемъ двѣ. 1) Pichler. Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit. (München, 1862). Сочиненіе Пихлера представляетъ собою типъ западныхъ воззрѣній на Кирилла, въ силу которыхъ онъ изображается человѣкомъ, склоннымъ къ протестантству, и въ частности къ кальвинизму. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и не потеряло своей цѣны, не смотря на то, что оно появилось почти 40 лѣтъ тому назадъ. Вредитъ книгѣ главнымъ образомъ суровый и несправедливый тонъ, въ какомъ католическій изслѣдователь говоритъ о греко-восточномъ патріархѣ. Многія сужденія, выраженные въ книгѣ и имѣвшія проблематическій характеръ, послѣ появленія изданія Леграна получаютъ болѣе опредѣленности и становятся болѣе надежными. Вообще же эти оба произведенія въ значительной степени подкрѣпляютъ и проясняютъ одно другое. Изучать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ связи. 2) Архим. Арсенія. Патр. Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви (Симфер., 1881. Изд. 2-ое). А это сочиненіе представляетъ собою типъ воззрѣній, усвоенныхъ большинствомъ греческихъ (восточныхъ) ученыхъ, въ силу которыхъ Кириллъ признается нешovinнымъ въ симпатіяхъ къ протестантизму. Авторъ очень начитанъ и пишетъ съ одушевленіемъ. Въ особенности хорошо изложены біографическія извѣстія. Послѣ Леграна на многое приходится смотрѣть иными глазами, чѣмъ какъ смотритъ авторъ, но въ этомъ послѣдній не виноватъ: наука идетъ впередъ—и въ этомъ ея задача.

голландскимъ посланникомъ Корнелиемъ Гагеномъ, находившимся въ столицѣ. При посредствѣ этого посланника Кирилль получилъ свѣдѣнія о голландскомъ же теологѣ и проповѣдникѣ Іоаннѣ Утенбогертѣ, съ которымъ онъ и не преминулъ войти въ переписку. Отъ этой переписки сохранились до насъ три письма, изъ которыхъ имѣетъ наибольшій интересъ одно, написанное въ сентябрѣ 1613 года. Въ этомъ письмѣ дается подробное описаніе состоянія греческой церкви того времени, на которомъ впрочемъ останавливаться нѣтъ надобности, и выражаются чувства автора, свидѣтельствующія о возникновеніи у него симпатій къ протестантизму. Письмо открывается слѣдующимъ привѣтствіемъ: „Кирилль, папа и патриархъ александрійскій—учени́йшему и достопочтеннѣйшему Іоанну Утенбогерту (Uyttenbogaert), проповѣднику слова Божія въ гаагской церкви; моему возлюбленному брату во Христвъ—спасеніе и мѣръ въ Господѣ Іисусѣ Христвъ, Спасителѣ нашемъ“. Затѣмъ авторъ письма говоритъ, что онъ хочетъ открыть корреспонденту „все свое сердце“. Но на самомъ дѣлѣ изъ письма узнаемъ очень мало о томъ, какихъ воззрѣній держится авторъ относительно вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ несогласны между собою греческая церковь и протестантское вѣроисповѣданіе. Во всякомъ случаѣ, говоря о таинствахъ, Кирилль упоминаетъ лишь о двухъ: крещеніи и евхаристіи и притомъ говоритъ о нихъ не такъ, какъ принято было говорить въ православной церкви. Онъ замѣчаетъ, что таинства эти необходимы, ибо безъ нихъ мы не имѣли бы надлежащей твердости въ самой вѣрѣ, и называетъ указанные таинства лишь „печатью Евангелія“ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія,—разсужденія странныя. Видно приспособленіе къ взглядамъ протестантовъ, признававшихъ только крещеніе и евхаристію дѣйствительными таинствами. Что же касается выраженія: „печать евангелія“, употребленнаго авторомъ для опредѣленія свойствъ этихъ таинствъ, то нужно знать, что этими самыми словами пользовался и Кальвинъ, говоря о крещеніи и евхаристіи ²⁾. Писатель письма, конечно, хорошо понимаетъ, что если въ бесѣдѣ съ протестантомъ рѣчь за-

1) Aumon, p. 130. 133. 142. Legrand. T. IV, p. 294. 300.

2) Pichler, S. 86.

шла о вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, то необходимо сказать что либо и по жгучимъ вопросамъ протестантскаго богословія—„о свободномъ произволеніи“ (*de libero arbitrio*), объ оправданіи и предопредѣленіи“. Онъ и говоритъ объ этихъ предметахъ, но не такъ, какъ долженъ бы говорить православный богословъ. Онъ пишетъ: есть много предметовъ, о которыхъ нужно было бы написать, но о нихъ еще продолжаются споры ученыхъ, разумѣемъ—ученіе о свободномъ произволеніи, оправданіи, предопредѣленіи и тому подобномъ: обо всѣхъ этихъ вопросахъ не установилось согласія среди людей ¹⁾. Такимъ образомъ писатель письма почему-то считаетъ умѣстнымъ оставить корреспондента въ полномъ невѣдѣніи,—какъ смотритъ греческая церковь на указанные вопросы—соглашается или отвергаетъ то рѣшеніе ихъ, какое встрѣчалось у протестантскихъ богослововъ. Затѣмъ, объявляя себя „врагомъ невѣжества“, Кирилль проситъ, чтобы прислали ему подробный каталогъ писателей, въ особенности писавшихъ о Пятокнижій, большихъ Пророкахъ, Евангеліяхъ, посланіяхъ ап. Павла,—и вообще такихъ писателей, которыми они сами (т. е. голландскіе протестанты) наиболѣе пользуются ²⁾. Таковы были первые шаги Кирилла, направлявшіеся къ сближенію съ протестантами. Значеніе ихъ открылось только впоследствии ³⁾.

¹⁾ Аumon, 160. Legrand. IV, 310.

²⁾ Аumon, p. 164. Legrand, IV, 312. Pichler, 84.

³⁾ Греческіе писатели и вообще защитники Кирилла Лукариса, изъ-являющіе стремленіе снять съ него обвиненіе въ приверженности къ протестантизму (каковы наприм. церк. историкъ Мелетій Аѳинскій и проф. Малышевскій) указываютъ на одно мѣсто изъ письма Кирилла къ Утенбогерту, писаннаго въ 1612 году, въ которомъ находятъ ясно выраженное осужденіе протестантскихъ нововведеній. Вотъ это мѣсто: „восточную церковь упрекаютъ въ невѣжествѣ (*ἀμαθία*), находя, что знанія и философія перешли въ другія мѣста. Но Востокъ теперь тѣмъ и счастливъ, что неученъ; вслѣдствіе этого онъ не знаетъ тѣхъ губительныхъ вопросовъ, которые поражаютъ слухъ въ настоящее время: ему остаются неизвѣстны новые чудовищные вымыслы (*αἱ καινοτομίαι*), которыхъ скорѣе нужно бояться, а не принимать ихъ“. (Аumon, p. 128). Но нужно сказать, что на языкѣ Кирилла „новшество“ въ религіозномъ смыслѣ означало не новыя вѣрованія протестантовъ, а нововведенія, допущенныя въ папской церкви. Въ этомъ убѣждаетъ слѣдующія слова Кирилла, находящіяся въ письмѣ его, писанномъ нѣсколько позже. „Съ давняго времени она (папская церковь) начала домогаться приматства... выдумала

Такого же значенія была и переписка Кирилла Лукариса съ тогдашнимъ архіепископомъ Кантербурійскимъ, т. е. смыслъ ея становится вполне ясенъ только въ дальнѣйшей исторіи этого патріарха. Самое раннее письмо Кирилла къ архіепископу Кантербурійскому Георгу Абботу (Abbat) дошло до насъ отъ 1616 года; но изъ него видно, что письменныя сношенія этихъ двухъ лицъ начались еще раньше. Впрочемъ это письмо представляетъ мало интереса. Оно заключаетъ въ себѣ выраженіе благодарности какъ Абботу, такъ и англійскому королю за то, что они соизволили одному изъ грековъ прибыть въ Англію съ цѣлю довершить здѣсь свое образованіе ¹⁾ Мы уже знаемъ, что сюда отправленъ былъ Митрофанъ Критопулъ, заграничное путешествіе котораго было описано нами выше. Гораздо интереснѣе другое письмо, отправленное Кирилломъ по тому же адресу, спустя два года послѣ сейчасть упомянутаго. Здѣсь Кириллъ осыпаетъ англійскаго примаса любезностями и говоритъ съ нимъ такимъ языкомъ, какъ будто этотъ послѣдній тоже восточный патріархъ. Вотъ что пишетъ Кириллъ къ архіепископу Кантербурійскому. „Веселиемъ насъ исполнило священное письмо блаженства твоего, особенно когда коснулись нашего слуха тѣ произнесенныя золотыми устами твоими глаголы, которые внушаютъ, что тебѣ дорогъ союзъ любви между обоими нами, дышущими одною вѣрою и однимъ православіемъ“ (съ англиканскимъ архіепископомъ-то?). „Меня удивляетъ, продолжаетъ авторъ, не блестящая внѣшность вашего царства (Великобританіи), а та духовность, которая свѣтитъ и блаженными дѣлаетъ человѣческія души: я разумю преимущественно благочестіе, правую вѣру (въ протестантской церкви?) и мудрость. Благо тебѣ блаженнѣйшій отецъ (титულъ, прилагаемый, какъ извѣстно, къ восточнымъ патріархамъ), что учитель твой Христосъ избралъ тебя пастыремъ въ вашей церкви и благословилъ водить овцы на тучныя пажити и къ струямъ сладкимъ. Наслаждайся духовною ра-

многія новшества (innovaciones), какъ изъ источниковъ забили новые догматы (nova dogmata), которые подтверждались указами, декретами, буллами“ (Legrand. IV, p. 337). Что же касается протестантскихъ новшествъ, то Кириллъ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ сблизяться съ протестантами, не обнаруживаетъ никакого страха предъ этимъ явленіемъ.

¹⁾ Aumon, p. 44—46.

достію и въ ожиданіи вѣнца правды живи здѣсь сколько можно долѣе! Богъ свидѣтель, мы любимъ тебя столькоже, сколько и единомыслимъ съ вашею апостольскою церковью“ (такъ говорится о церкви, созданной Генрихомъ VIII-мъ). Прошу тебя отецъ мудрѣйшій: замѣни меня, поклонись отъ меня святому царю (т. е. королю Іакову) и вырази ему—какую любовь имѣю я къ тихости его, а также и то, что изливаю предъ Богомъ пламенныя молитвы мои о тихости его“. Письмо заканчивается благодарностію за тѣ попеченія, какія принялъ на себя Абботь объ образованіи Грека Критопула въ Оксфордѣ ¹⁾. О догматахъ въ письмѣ ничего не говорится и потому оно, не смотря на яркость выраженій, носитъ еще не совсѣмъ опредѣленный характеръ.

Совсѣмъ другого рода письма Кирилла, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Во время своего александрійскаго патріаршествованія Кириллъ велъ (1617—1619 г.) очень оживленную корреспонденцію съ Давидомъ Вильгельмомъ (David le-her de Wilhelm), кальвинистомъ, виднымъ государственнымъ мужемъ Голландіи, сдѣлавшимъ продолжительное путешествіе по Востоку и познакомившимся съ Кирилломъ. Сохранилось до насъ 14 писемъ Кирилла къ Давиду—Вильгельму. Въ этихъ письмахъ очень ясно выражены протестантскія симпатіи греческаго патріарха. Изъ числа этихъ писемъ заслуживаютъ особеннаго вниманія письма: 2, 5, 6 и 12. Въ первомъ изъ указанныхъ писемъ Кириллъ выражаетъ радость, что настала благоприятный случай высказать, насколько его мысли согласны съ мыслями его корреспондента. „Я вполне одобряю,—говоритъ онъ,—выработанный вами планъ, по которому вы думаете произвести реформу въ церкви“. Въ основу этого плана, по словамъ Кирилла, лучше всего положить между прочимъ „евангельскую простоту“ (simplicitas Evangelii). Далѣе онъ пишетъ, что надежда ввести реформу въ римскую церковь очень слаба; и затѣмъ, прибавляетъ, что ничто такъ не унижаетъ достоинства Греческой церкви, какъ суевѣрія, выражая при этомъ желаніе, чтобы Господь

¹⁾ Епископа Порфирія. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри. Часть II, отд. 2, стр. 229—231. М. 1880. Письмо это впервые открыто пресвященнымъ Порфіріемъ и остается неизвѣстно и въ западной и греческой литературѣ.

по своему благоволенію исцѣлилъ ее отъ этого недостатка¹⁾. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть выраженія того мнѣнія автора, что греческая церковь въ отличіе отъ римской можетъ быть удобнымъ объектомъ церковной реформы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ другомъ письмѣ Кириллъ благодаритъ Давида Вильгельма за то, что послѣдній сообщилъ ему свѣдѣнія касательно папистическаго, лютеранскаго и православнаго (orthodoxorum) ученія объ евхаристіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ именемъ „православнаго“ ученія здѣсь разумѣется Кальвинское ученіе, принимаемое Давидомъ Вильгельмомъ. Выразивъ благодарность по указанному случаю, Кириллъ заявляетъ, что онъ хочетъ слѣдовать этому послѣднему ученію (*Istam ego sequor*). Потому онъ проситъ его сообщить ему дальнѣйшія болѣе подробныя свѣдѣнія касательно этого—важнаго предмета и заканчиваетъ письмо такими словами: *Deus optimus, maximus tuam humanitatem custodiat et conservet incalument*²⁾. Слѣдующее письмо по своему содержанію примыкаетъ къ предъидущему. Въ этомъ письмѣ Кириллъ говоритъ, что онъ ежедневно записываетъ себѣ на память тѣ мысли, которыя ему приходятъ при изученіи разъясненій, данныхъ протестантскимъ корреспондентомъ. Изъ дальнѣйшей рѣчи видно, что Кириллъ говоритъ здѣсь объ ученіи касательно евхаристіи. Именно далѣе онъ пишетъ: изъ предшествующаго письма Давидъ—Вильгельмъ долженъ убѣдиться, что онъ, Кириллъ, приписываетъ только символическое значеніе этому таинству (*sententiam illam, quae figura admittit*) и что онъ принимаетъ ученіе о духовномъ причащеніи: тотъ, кто съ вѣрою приступаетъ къ трапезѣ Господней, пріемлетъ не только видимымъ образомъ таинство, но и духовно и внутренно пріобщается тѣла и крови Господнихъ. При этомъ авторъ выражаетъ удовольствіе, что онъ и его корреспондентъ одинаково понимаютъ эту истину, и изъявляетъ желаніе имѣть съ нимъ единомысліе и въ другихъ вопросахъ, если только такое различіе есть у нихъ (*sentimus in hac veritate. Utinam et in reliquis, si quae sunt, in quibus dissentimus*). Письмо оканчивается словами: *Tuae huma-*

1) Aumon, 175—179. Legrand, IV, p. 316.

2) Aumon, 181—182. Legrand, p. 319.

nitatis amicissimus ¹⁾ Изъ вышеисчисленныхъ, болѣе важныхъ съ нашей точки зрѣнія, писемъ Кирилла упомянемъ еще о письмѣ съ такимъ содержаніемъ: Кириллу припомнилось то, что они говорили между собою по поводу одной иконы (очевидно дѣло идетъ о какомъ-то недавнемъ свиданіи ихъ). и затѣмъ онъ замѣчаетъ: „только такую икону я чту, которая начертана Божіею рукою въ моемъ сердцѣ и есть Его печать, а что касается прочихъ иконъ, то каждый можетъ поступать съ ними, какъ угодно“. Смыслъ этихъ словъ Кирилла очень понятенъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „еслибы возможно было ввести реформы въ моей (греческой) церкви, я охотно согласился бы на это; но Богу извѣстно, что такой планъ невозможно привести въ осуществленіе“ ²⁾. Последнія слова не могутъ не останавливать на себѣ нашего особеннаго вниманія ³⁾.—Въ остальныхъ письмахъ Кирилла къ разсматриваемому лицу есть тоже коечто, не лишенное значенія и во всякомъ случаѣ характеристичное для ихъ автора. Такъ въ одномъ изъ нихъ патріархъ выражаетъ намѣреніе прислать Давиду Вильгельму для чтенія составленную ученымъ Суріемъ исторію жизни св. Георгія Побѣдоносца, прибавляя однакожь, что онъ самъ, Кириллъ, считаетъ всѣ рассказы о мученикѣ Георгіи за простые вымыслы ⁴⁾. Не ограничиваясь этимъ замѣчаніемъ, авторъ письма еще говоритъ, что лично онъ очень мало заботится о томъ—станутъ ли продолжать дѣлать изображенія Георгія или нѣтъ ⁵⁾. Наконецъ, еще въ другомъ письмѣ Кириллъ высказываетъ свой взглядъ на посты. Онъ указываетъ, что дѣйствительное значеніе постовъ уясняется тѣми церковными пѣснями, въ которыхъ раскрывается нравственный смыслъ ихъ, какъ

1) Aumon. 182—183. Legrand, p. 319—320.

2) Aumon, 193—194. Legrand, p. 326. Pichler, 107.

3) Эту мысль Кирилла нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ міросозерцанія этого патріарха.

4) Aumon, 181. Legrand, p. 318.

5) Кириллъ вообще довольно свободно относился къ историческимъ традиціямъ своей церкви. Напримѣръ, рассказываютъ, что будучи въ Иерусалимѣ на хиротоніи Теофана патр. іерусалимскаго (въ самомъ началѣ XVII в.), онъ открыто выражалъ здѣсь мысль о неподлинности того гроба, какой выдавался за гробъ Господень. Heinemann, *Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche*. Theil I, S. 199. Leipzig, 1711.

способъ укрощать свои злыя страсти, при чемъ у него цитируются извѣстные слова изъ этихъ пѣсней. „Отсюда ты можешь заключать—пишетъ авторъ, какихъ мыслей мы держимся о постахъ“¹⁾.—Переписка Кирилла съ названнымъ лицомъ, нѣтъ сомнѣнiя, показываетъ, что въ это время протестантскiя симпатiи Кирилла достигли уже значительнаго развитiя.

Къ этому времени относится довольно длинное письмо того же Кирилла къ одному лицу съ сомнительной репутацiею, именно къ бывшему римскокатолическому архiепископу, обратившемуся въ англиканство, т. е. принявшему протестантизмъ. Говоримъ объ архiепископѣ города Спалатро (Spalatro) и далматскомъ примаѣ по имени Антонiи Дедоминисъ. Этотъ прелатъ, усвоивши антипапскiя идеи, отрекся отъ римскокатоличества и присоединился въ Лондонѣ къ англиканской церкви, сдѣлавшись ожесточеннымъ врагомъ римскаго исповѣданiя. Гдѣ познакомился съ нимъ Кириллъ— неизвѣстно; можетъ быть еще въ Падуѣ, гдѣ равно проходили курсъ наукъ оба они²⁾. Разсматриваемое письмо относится къ 1618 году. Вотъ главныя мысли, которыя въ немъ содержатся. Кириллъ привѣтствуетъ архiепископа съ освобожденiемъ отъ тяжелой папской власти, а о себѣ говоритъ, что хотя онъ и не былъ во власти папизма, но зато раздѣлялъ многiя заблужденiя римской церкви, пока, не открылъ, гдѣ находится истина. Онъ понялъ, по его словамъ, что истина въ тѣхъ церквахъ, которыхъ папство гнушалось и отвращалось, т. е. конечно въ протестантизмѣ. „Когда милосердому Богу угодно было просвѣтить насъ настолько, что-бы мы замѣтили, что возвращаемся въ заблужденiя, мы начали здраво обсуждать, что намъ дѣлать. Итакъ, что же я сдѣлалъ? Приобрѣтши содѣйствiемъ и любовью друзей нѣсколько книгъ евангелическихъ ученыхъ, которыхъ Востокъ не только не зналъ, но о которыхъ и не слыхалъ, и призвавши св. Духа въ молитвахъ, я въ теченiе трехъ лѣтъ сравнивалъ ученiе церкви греческой и латинской съ ученiемъ, которое находится въ церкви реформацiонной³⁾. Мало помалу пу-

1) Aymon, 185. Legrand, 321.

2) Pichler, 99 und 49.

3) Авторъ говоритъ: „въ продолженiе *трехъ* лѣтъ“, но жаль, что онъ не объясняетъ, какiе именно онъ разуметь три года — послѣднiе (до

темъ сравненія я научился здраво обсуждать то, что прежде обсуждать ложно. Иногда я колебался.. но наконецъ, по благодати Божіей позналъ, что дѣло реформаторовъ болѣе справедливо и болѣе согласно съ ученіемъ Христа, и я примкнулъ къ нему (*isti me applicui*). И я болѣе не соглашаюсь съ утверждающими, что св. Писаніе можетъ быть уравниваемо съ изобрѣтеніями человѣческихъ преданій (такъ называетъ авторъ—церковное преданіе). Затѣмъ, онъ указываетъ въ частности, какіе изъ догматовъ реформаторовъ онъ находитъ заслуживающими усвоенія. Онъ говоритъ: касательно ученія объ оправданіи, въ коемъ (ученіи) мы грезимъ, будто наши ничтожныя дѣла суть заслуги, и болѣе надѣемся на нихъ, чѣмъ на Христа Господа, пробуждаемые мы поняли, насколько пагубно упованіе на человѣческую праведность и стали взирать только на милосердіе всемогущаго Бога, спискиваемое чрезъ усвоеніе заслугъ Христа Спасителя, дѣла же свои мы ставимъ не выше стараго платья.—Входя потомъ въ разсужденія о таинствѣ евхаристіи, онъ называетъ ученіе о пресуществленіи химерой и высказываетъ мнѣніе о духовномъ причащеніи вѣрующихъ при воспріятіи таинства. „Тѣ, которые болтаютъ, пишетъ онъ,—что они не духовно, а нечистыми губами вкушаютъ св. Тѣло Господа, я думаю, введены въ заблужденіе невѣжествомъ и непониманіемъ переноснаго смысла евангельскихъ словъ“.—Съ наибольшею ясностію авторъ еще высказывается по двумъ пунктамъ: о почитаніи иконъ и о призваніи святыхъ. О почитаніи иконъ онъ говоритъ: „Свидѣтель Богъ, я оплакиваю теперешнее положеніе Востока, ибо не вижу средства, какимъ можно было бы исправить его; и не то чтобъ я осуждалъ иконы на поруганіе,... но я отвращаюсь идолопоклонства, учиняемаго ихъ почитателями. Я вижу, что народъ, не говоря о тѣхъ, которые считаютъ себя мудрецами, отклоняются отъ истиннаго и духовнаго служенія, какое подобаетъ единому Богу“. А относительно призванія святыхъ авторъ излагаетъ такія мысли: „призванія святыхъ, такъ какъ оно помрачаетъ славу Христа, не принималъ я и раньше (!). Свидѣтельствуюсь Богомъ, что

1618 года, когда написано письмо) или же какіе либо болѣе ранніе. Еслибы это было ясно выражено, то мы имѣли бы здѣсь очень важную подробность изъ біографіи Кирилла.

во время богослуженія съ глубокой скорбію слышу, какъ столько предстоящихъ призываетъ святыхъ, оставивъ Іисуса Христа, и наблюдаю, какъ великое заблужденіе охватило души, такъ что въ этомъ отношеніи я признаю себя болѣе склоннымъ къ реформѣ, чѣмъ въ другихъ.—Авторъ вообще находитъ, что греческая церковь имѣетъ много недостатковъ и заблужденій, которыми она обогатилась будто бы подъ вліяніемъ римскаго католицизма, и выражаетъ желаніе, чтобы эта церковь подверглась реформѣ, подобно тому, какъ это сдѣлано во многихъ частяхъ вселенной и многими ¹⁾).

Читая вышензложенное письмо Кирилла Лукариса, мы читаемъ мысли его по занимающему насъ вопросу.

Уже во время патріаршества Кирилла въ Александріи (къ каковому времени относятся письма его, которыми мы занимались выше) православная репутация его начала страдать въ общественномъ мнѣніи греческой церкви. Многие стали замѣчать, что Кириллъ усвоитъ воззрѣнія, несогласныя съ неконными началами православія. Умы начали испытывать тревогу. Объ этомъ свѣдѣтельствуютъ письма самаго же Кирилла. Такъ въ письмѣ къ патріарху константинопольскому Тимоѳею, написанномъ въ 1613 году, онъ жалуется, что его считаютъ „обольстителемъ, носителемъ заразы, Лютеромъ“. Изъ числа такихъ обвинителей, Кириллъ между прочимъ упоминаетъ Неофита, собственнаго ученика и воспитанника (бывшаго не разъ при жизни Кирилла константинопольскимъ патріархомъ), который объявлялъ его лютераниномъ. Въ отвѣтъ на это обвиненіе, онъ говорилъ: „что касается лютеранства, то любопытно, какъ человѣкъ не знающій и не представляющій лютеранскаго ученія и богослуженія, не знающій, въ чемъ церковь восточная несогласна и согласна съ лютеранами, тѣмъ не менѣе рѣшается пятнать мое имя“. Самъ патріархъ Тимоѳей, къ которому писалъ Кириллъ, тоже, по словамъ письма, не молчалъ о заблужденіяхъ его, провозглашая его „отступникомъ“ ²⁾. Изъ другого письма Кириллова, относящагося къ 1618 году,

¹⁾ Epist. Cyrilli ad archiepiscopum Spalatensem Antonium De Dominis. Legrand, IV, p. 333—338. Письмо это, сколько знаемъ, издано Леграномъ еще впервые и до сихъ поръ не было извѣстно въ наукѣ.

²⁾ Legrand, IV, p. 273—274. 279—280. Conf. 450.

видно, что его много безславили, принимая во вниманіе его слишкомъ тѣсное общеніе съ протестантами, и называли его прямо „еретикомъ, противникомъ св. отцевъ церкви, противникомъ соборовъ“ ¹⁾. Ропотъ противъ него съ теченіемъ времени, какъ узнаемъ потомъ, еще больше усиливается и разрастается.

Въ 1621 году Кириллъ Лукарисъ сдѣлался патріархомъ константинопольскимъ, и съ этимъ открылся для него большій кругъ дѣятельности. Сначала недолго продержался онъ на патріаршей кафедрѣ: онъ былъ отставленъ отъ должности по интригамъ посланниковъ римско-католическихъ державъ въ Константинополь, но вскорѣ по вліянію посланниковъ протестантскихъ державъ имъ снова занята патріаршая кафедра. Вообще его патріаршествованіе въ столицѣ было какое-то странное: онъ пять разъ былъ лишаемъ кафедры, а потомъ опять дѣлался патріархомъ. Опору для себя Кириллъ искалъ преимущественно въ протестантскихъ государяхъ и другихъ вліятельныхъ лицахъ протестантскихъ странъ. Такъ онъ рѣшился подарить английскому королю Іакову I-му рукопись, которой нѣтъ цѣны и которая представляла собою изумительную рѣдкость. Разумѣемъ такъ называемый „Александрійскій Кодексъ“ Библии, написанный въ эпоху никейскую и никакъ не позже 450 года и заключающій въ себѣ греческій текстъ LXX-ти и Новый Заветъ на томъ же языкѣ. Съ вышеуказанною цѣлю эту драгоценность Кириллъ привезъ съ собою изъ Александріи въ Константинополь. Но за смертію короля Іакова она была вручена его преемнику Карлу I, въ 1628 году. Нѣсколько ранѣе того тотъ же Кириллъ сдѣлалъ очень цѣнный подарокъ преемнику кантербурійскаго архіепископа Аббота Вильгельму Лауду (Laud), именно рукопись арабскаго перевода Пятикнижія, съ надписью: „въ знакъ братской любви“ ²⁾.

Теперь мы подходимъ къ самому знаменательному времени въ жизни Кирилла Лукариса,—ко времени, когда имъ было выдано знаменитое „исповѣданіе вѣры“ протестантско-кальвинскаго характера, надѣлавшее столько шума въ Греціи и заграничѣй. Вотъ что извѣстно о внѣшнихъ услові-

¹⁾ Ibidem, p. 338.

²⁾ Pichler. S. 139—140.

яхъ, при какихъ появилось это произведение константинопольскаго патріарха. Въ 1627 году извѣстный уже намъ Митрофанъ Критопулъ, отправленный за границу для основательнаго образованія, прибылъ въ Женеву, это отечество кальвинизма, и здѣсь въ бесѣдахъ съ профессорами и пасторами изобразилъ печальное состояніе греческой и въ особенности константинопольской церкви, претерпѣвавшей немало бѣдъ отъ козней іезуитскихъ. Эти бесѣды, какъ думаютъ, и побудили женевское „общество пасторовъ и профессоровъ“ завязать тѣсныя связи между кальвинизмомъ и греческою церковію. Указанное общество снеслось съ Голландіею или съ представителями кальвинизма здѣсь и съ общаго согласія рѣшились отправить способнаго человѣка въ Константинополь съ выше означенною цѣлію. Разумѣется, въ этомъ случаѣ принято было въ расчетъ и то, что было извѣстно въ Женевѣ и Голландіи о Кириллѣ Лукарисѣ. Выборъ палъ на лице очень способное, ловкое, очень просвѣщенное и знакомое съ греческимъ языкомъ—на Антона Лежера (Leger); онъ отправленъ былъ въ Константинополь въ качествѣ пастора при голландскомъ посольствѣ, во главѣ котораго, какъ мы знаемъ, стоялъ Корнелій Гагенъ, жаркій приверженецъ кальвинизма, желавшій пропагандировать это вѣроученіе и на Востокъ¹⁾. Это было въ 1628 году. Лежеръ оставался въ Константинополѣ восемь лѣтъ, не теряя изъ виду плановъ „женевского общества“ и Гагена. Нужно сказать, что тотчасъ по прибытіи Лежера въ этотъ городъ между нимъ и патріархомъ Кирилломъ установились самыя тѣсныя отношенія. Можетъ быть, не проходило дня, когда друзья не встрѣчались бы и не вели бесѣды. Если встрѣчались препятствія къ свиданію между ними, патріархъ отправлялъ письма къ Лежеру съ выраженіемъ своей печали по этому поводу, при чемъ въ письмахъ часто фигурировала *illustrissima madonna, signora Leonora, ἡ κυρία* Лежеръ, т. е. жена Лежера, которой корреспондентъ обыкновенно посылалъ свои благожеланія и привѣтствія. Въ весеннее время Кириллъ нерѣдко отправлялся на очаровательные берега Босфора, приглашая съ собою Лежера и еще какого-то священника Іоанникія, гдѣ и устраивалось оживленное пирше-

¹⁾ *Ρενιέρης. Μιτροφάνης Κριτόπουλος καὶ φίλοι αὐτοῦ, σελ. 92.*

ство. Нѣтъ сомнѣнiя, главное содержанiе бесѣдъ православнаго патрiарха и протестантскаго пастора составляли вопросы религiознаго свойства. А имъ было о чемъ говорить въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что Лежеръ, конечно, не тратилъ времени напрасно. Какъ думаютъ, именно Лежеръ расположилъ и убѣдилъ патрiарха составить извѣстное „исповѣданiе“, и оно составлено имъ въ домѣ этого друга Кирилла, здѣсь же оно было и переведено на латинскiй языкъ этимъ послѣднимъ и отсюда же это исповѣданiе въ латинскомъ переводѣ было послано въ Женеву, гдѣ и увидѣло свѣтъ ¹⁾. Это случилось въ 1629 г. Исповѣданiе издано было съ такимъ заглавiемъ: „Исповѣданiе вѣры достопочтеннѣйшаго господина Кирилла, патрiарха константинопольскаго, написанное отъ имени и съ согласiя (?) патрiарховъ александрiйскаго и iерусалимскаго и предстоятелей прочихъ восточныхъ церквей. Въ Константинополь, въ мартъ мѣсяцѣ, 1629 года“. Наименованiе здѣсь города и хронологическая дата указываютъ мѣсто и время составленiя документа, а напечатано оно, какъ доказано Леграномъ, въ Женевѣ, но безъ обозначенiя этого города въ печатномъ изданiи. Но вскорѣ найдено было нужнымъ напечатать тоже исповѣданiе и на греческомъ языкѣ. Греческiй текстъ исповѣданiя полученъ въ Женевѣ въ концѣ 1631 года, но печатанiе его по какимъ то причинамъ очень замедлилось, и это произведенiе Кирилла Лукариса появилось въ печатномъ видѣ уже въ 1633 году, съ такимъ болѣе скромнымъ, и болѣе правильнымъ заглавiемъ: „Исповѣданiе христанской вѣры Кирилла патрiарха константинопольскаго. Женева, 1633 года“ ²⁾.

Но болѣе обстоятельное ознакомленiе съ этимъ „исповѣданiемъ“ на нѣкоторое время отложимъ, а займемся пока сообщенiемъ свѣдѣнiй о нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни Кирилла, относящихся къ перiоду между двумя изданiями его „исповѣданiя“ (т. е. между 1631 и 1633 г.). Разумѣется, мы говоримъ о такихъ фактахъ, которые съ новой стороны

¹⁾ *Ревієри, стр. 101—102.*

²⁾ Нѣкоторыя подробности изданiя этихъ двухъ редакцій „Исповѣданiя“ были сообщены раньше: ихъ мы не повторяемъ здѣсь.

могутъ характеризовать отношенія Кирилла къ протестантамъ. Въ разсматриваемое время у него завязываются сношенія еще съ нѣкоторыми другими представителями тогдашняго протестантскаго міра. Къ 1632 году относится его письмо къ женеvскому профессору и теологу — Діодати. Въ этомъ письмѣ высказываются слѣдующія мысли и сообщаются слѣдующіе факты. Кирилль выражаетъ удовольствіе, что отдаленность двухъ церквей (къ которымъ принадлежали авторъ письма и Діодати) не послужила препятствіемъ къ ихъ общенію. Онъ восхваляетъ божественное провидѣніе, которое поставляетъ во взаимное общеніе избранныхъ людей самыхъ далекихъ странъ, подобно тому, какъ апостолы, разсѣянные по свѣту, поддерживали союзъ между собою. Онъ въ очень яркихъ чертахъ описываетъ достоинства и добродѣтели извѣстнаго Лежера, именуетъ его даже „сосудомъ Духа Святаго и исполненнымъ помазанія Христова (*vaso del Spirito Sancto e pieno di Iesu Christo*) ¹⁾. Выражаетъ надежду, что сближеніе его съ Лежеромъ послужитъ на благо греческой церкви. Затѣмъ Кирилль передаетъ нѣкоторыя извѣстія, касающіяся его извѣстнаго „исповѣданія“. Въ Константинополѣ, говоритъ онъ, находится много списковъ съ этого исповѣданія (очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о греческой редакціи, которая тогда еще не была издана); нѣкоторые изъ друзей его просили его, чтобы онъ своею подписью авторизовалъ подлинность „исповѣданія“, что онъ, по его словамъ, не отказывался дѣлать. Потомъ онъ пишетъ, что къ нему являлся Французскій посланникъ и отъ имени папы спрашивалъ его: онъ ли авторъ появившагося „исповѣданія“, на каковой вопросъ онъ отвѣчалъ утвердительно. (Къ сожалѣнію, не ясно видно, о какомъ „исповѣданіи“ здѣсь идетъ рѣчь—о латинскомъ, уже напечатанномъ или же греческомъ рукописномъ). Къ этому Кирилль присовокупляетъ, что и другимъ лицамъ на тотъ же вопросъ отвѣчалъ также. Въ этомъ же письмѣ Кирилль предоставляетъ профессору Діодати и всему женеvскому университету распорядиться его исповѣданіемъ, какъ они знаютъ: распространять его для ознакомленія съ вѣрою Грековъ (?), комментировать его чрезъ прибавку текстовъ св. Писанія или приведеніе дока-

¹⁾ Письмо на итальянскомъ языкѣ.

зательствъ; вообще все такое онъ предоставляетъ ихъ христіанской любви. Что-же касается римско-католиковъ, недовольныхъ образомъ дѣйствій Кирилла, то онъ говоритъ о нихъ: „пусть они лаютъ какъ цѣпныя собаки, которыя не могутъ кусаться“. Въ заключеніе письма сказано: „писано моею собственною рукою“ ¹⁾.

Замѣчательно, что въ этоже время (въ 1632 г.) Кириллъ вступаетъ въ переписку даже съ одною коронованною особою—героемъ тогдашней эпохи, шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ. Первый шагъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ король, но содержаніе его письма неизвѣстно. Кириллъ смиренно привѣтствуетъ короля и говоритъ, что въ знакъ величайшаго уваженія къ нему цѣлуетъ его руку. Затѣмъ онъ воздастъ хвалы шведскому посольству во Константинополь, дѣйствующему съ большой пользой для церкви, но въ подробности онъ не хочетъ вдаваться, объявляя, что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы написать цѣлый томъ. Онъ восхваляетъ побѣды короля надъ его врагами въ войнахъ и замѣчаетъ, что его успѣхи въ этомъ отношеніи суть чудеса и обнаруженіе силы Божіей, охраняющей честь Господа. (Рѣчь идетъ о т. н. тридцатилѣтней войнѣ, прославившей оружіе протестантовъ). Въ этомъ же письмѣ Кириллъ жалуется королю на свое стѣсненное положеніе со стороны іезуитовъ; говоритъ, что онъ подобенъ овцѣ, ведомой на закаланіе и что онъ и дня одного не имѣетъ покоя. А почему? Потому, отвѣчаетъ онъ, что не хочетъ вѣрять, будто св. Писаніе несовершенно и недостаточно, что церковь не Христа имѣетъ главою, что вѣра заключается въ однихъ обрядахъ, что идолопоклонство есть истинное богопочитаніе и пр. Мы ищемъ спасенія нашихъ душъ, прибавляетъ онъ, въ истинно-евангельской вѣрѣ Іисуса Христа, а не въ басняхъ. Тотъ же Кириллъ выражаетъ сожалѣніе по поводу недостатка для него помощи со стороны и пишетъ: „кромѣ Христа нѣтъ у насъ помощника, за исключеніемъ истиннаго, вѣрнаго и усерднаго поборника божественной славы—Корнелія Гагена“. Въ заключеніе онъ проситъ принять короля увѣреніе въ томъ, что онъ непрестанно молится за его благоденствіе, дабы Богъ сохранилъ его на по-

¹⁾ Aumon, 27—36. Legrand, IV, p. 401—406. Pichler, 152—155.

гибель его (короля) враговъ, на утѣшеніе вѣрующихъ, на избавленіе угнетенныхъ и для прославленія имени Иисуса Христа“. Къ этимъ словамъ присоединено реченіе: „аминь“¹⁾.

Мы подошли къ 1633 году, въ которомъ издано было знаменитое „Исповѣданіе“ Кирилла въ оригинальномъ текстѣ. Ознакомимся съ содержаніемъ этого документа. „Исповѣданіе“ состоитъ изъ 18 главъ не одинаковой величины. Гл. 1. Въ ней въ краткихъ словахъ излагается ученіе о св. Троицѣ, при чемъ о Духѣ св. говорится, что Онъ исходитъ отъ Бога Отца чрезъ Сына. 2. Св. Писаніе произошло отъ Бога, виновникъ его св. Духъ, а ни другой кто. Его (Писанія) свидѣтельство высшаго достоинства, по сравненію со свидѣтельствомъ, принадлежащимъ церкви; ибо не одно и тоже—будемъ ли мы получать наставленіе отъ Духа св. или человѣка. Послѣдній по невѣдѣнію можетъ впасть въ заблужденіе, обманывать и обманываться (рѣчь идетъ о церкви). 3. Всеблагій Богъ прежде сотворенія міра (*πρὸ καταβολῆς κόσμου*) предопредѣлилъ избранныхъ къ прославленію, независимо отъ ихъ дѣлъ, а осужденныхъ, по неограниченной, своей волѣ (*αἰτίαν εἶναι τὴν θεῖαν θέλησιν*) отвергъ такъ же, прежде вѣковъ (*ᾠσαντων; πρὸ τοῦ τὸν αἰῶνα γενεσθαι*), по правосудію, ибо Онъ не только благъ, но и правосуденъ. 4. Все сотворенное имѣетъ добрую природу, потому что произошло отъ Бога, а то, что составляетъ зло, произошло отъ діавола и человѣка. 5. Всѣмъ управляетъ божественное провидѣніе. 6. Грѣхъ отъ перваго человѣка распространился на весь родъ человѣчскій. 7. Въ немъ говорится о воплощеніи Христа, искупленіи Имъ людей и ожидаемомъ Его второмъ пришествіи. 8. Иисусъ Христосъ, сѣдящій одесную Бога Отца есть единственный первосвященникъ и ходатай, Онъ одинъ печется о своихъ, т. е. христіанахъ (*μόνος κηδεταὶ τῶν ιδίων*). Очевидно, исключается ходатайство святыхъ за родъ человѣчскій. 9. Никто безъ оправдывающей вѣры во Иисуса Христа не можетъ угодить Богу и спастись. 10. Христосъ есть единая глава церкви, человѣкъ же смертный не можетъ быть главой ея (противъ папства). 11. Члены церкви состоятъ изъ людей святыхъ, предопредѣленныхъ къ жизни вѣчной (блаженству). 12. Воинствующая церковь освящается

¹⁾ Pichler, S. 159—162.

и наставляется отъ св. Духа, котораго, какъ истиннаго Утѣшителя и Наставника, посылаетъ Христосъ отъ Отца. Нужно утверждать, что церковь въ земномъ ея состояніи можетъ заблуждаться и вмѣсто истины избирать ложь. 13. Человѣкъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами; дѣла служатъ для выраженія нашего избранія ко спасенію, но не имѣютъ значенія предъ судомъ Божиимъ. 14. Свободная воля мертва въ тѣхъ, кто не возрождены и все что они ни дѣлаютъ—грѣхъ; у возрожденнаго же, при посредствѣ благодати, свобода становится и оживотворяется. 15. Есть только два евангельскихъ таинства, установленныхъ Господомъ, свыше же этого числа нѣтъ таинствъ. 16. Въ немъ говорится о таинствѣ крещенія и плодахъ его. 17. Здѣсь идетъ рѣчь о таинствѣ Евхаристіи и между прочимъ написано: вѣрующіе причастники прие́млютъ тѣло Господне не чувственно (раздробляя его зубами), но душевно (*ἀλλὰ τῆ τῆς ψυχῆς αἰσθήσει κοινωοῦντας*); ибо тѣло Господне есть не то, что видимъ и объемлемъ чувственнымъ зрѣніемъ, а есть то, что вѣра духовнымъ образомъ (*πνευματικῶς*) постигаетъ, представляетъ и сообщаетъ; плодъ таинства потерянъ для того, кто безъ вѣры прие́млетъ тѣло и кровь (т. е. хлѣбъ и вино остаются для него, чѣмъ они суть). 18. Души, по разлученіи отъ тѣлъ, получаютъ блаженство или подлежатъ осужденію, по смерти нѣтъ покаянія, время благодати есть земная жизнь. Выдумка о чистилищѣ не должна быть принимаема, каждый въ этой жизни долженъ содѣвать свое спасеніе.—Въ заключеніе присоединены четыре вопросаотвѣта. Въ первомъ вопросѣ говорится, всемъ ли христіанамъ позволительно чтеніе св. Писанія, и отвѣтъ дается утвердительный. На второй вопросъ: св. Писаніе ясно ли для христіанскихъ читателей—въ отвѣтъ говорится, что хотя пониманіе св. Писанія сопряжено съ затрудненіями, но оно становится яснымъ для просвѣщаемыхъ благодатію Божіею, при объясненіи однихъ мѣстъ въ немъ другимъ (допускается свободное толкованіе Библии, безъ ближайшаго руководства церкви). На третій вопросъ: какія книги принадлежатъ къ составу Библии, дается отвѣтъ, что книгъ св. Писанія столько, сколько указано соборомъ Лаодикійскимъ въ IV в. (прав. 60), съ присоединеніемъ Апокалипсиса, не упомянутого указаннымъ соборомъ, при чемъ книги неканоническія исключены изъ состава

Библии (по примѣру протестантовъ). Четвертый вопросъ формулированъ такъ: какъ нужно мыслить объ иконахъ? Въ отвѣтъ дается знать, что почитаніе и поклоненіе иконамъ ясно запрещены въ св. Писаніи, съ присовокупленіемъ разрѣшенія имѣть иконы Спасителя и святыхъ не для поклоненія. Лучше послѣдовать заповѣди Божіей, чѣмъ нелѣпымъ вымысламъ людей,—сказано здѣсь ¹⁾.

Изъ числа 18-ти членовъ вышензложеннаго исповѣданія два: 3-ій о безусловномъ предопредѣленіи и 17-ый о Евхаристіи составлены несомнѣнно въ духѣ кальвинизма. Члены же 2, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15 и 18 носятъ на себѣ общепротестантскій характеръ, но въ нихъ можно находить и слѣды вліянія кальвинизма, такъ какъ, по сужденію Пихлера, всѣ сочиненія Кальвина отличаются неустойчивостію мысли и неопредѣленностію и двусмысленностію выраженій, а въ этомъ отношеніи разсматриваемое исповѣданіе очень напоминаетъ собою эти сочиненія ²⁾. Другіе члены этогоже исповѣданія отчасти неопредѣленны, а отчасти выражаютъ православное ученіе.—Что касается четырехъ вопросовъ, то за исключеніемъ перваго, они впечатлѣваютъ на себѣ духъ протестантства.

Нѣтъ сомнѣнія, что такого важнаго шага, какъ изданіе „исповѣданія“ безусловно протестанскаго характера, Кирилль Лукарисъ не могъ сдѣлать сразу, подѣ вліяніемъ минутнаго увлеченія. Вѣроятно, были обстоятельства въ его предшествующей жизни, которыя предрасположили его къ такому поступку. И дѣйствительно, подобнаго рода обстоятельства можно находить въ его жизни. Такъ въ 1599 и 1600 годахъ происходили сношенія между польско-литовскими протестантами и восточною церковью, имѣвшія цѣлію достигнуть между ними соединенія; въ этихъ сношеніяхъ принималъ участіе и Кирилль и во всякомъ случаѣ хорошо ихъ зналъ. Польско-литовскіе протестантскіе пасторы обратились въ 1599 г. съ письмомъ на имя Константинопольскаго патріарха, въ

¹⁾ Kimmel. Monumenta fidei ecclesiae orientalis. Pars I. p. 24 — 44. Ienaе, 1850. Издатель помѣщаетъ исповѣданіе Кирилла въ числѣ памятниковъ вѣры православной восточной церкви, но безъ должныхъ основаній. Это исповѣданіе есть выраженіе вѣрованій лишь частнаго лица.

²⁾ Pichler, 193.

которомъ между прочимъ находились слѣдующія строки: „главною нашею мыслию есть—соединиться съ тѣми, которые вѣрны чистѣйшему ученію и хотя отдалены отъ насъ пространствомъ, но тѣмъ болѣе приближаются къ намъ исповѣданіемъ благочестія и вѣрою. Такою мы всегда почитали церковь восточную въ Греціи, посему мы усилленно желаемъ при семъ случаѣ вести бесѣду съ вашимъ достопочтеннымъ отчествомъ о дѣлѣ вѣры и сообща поискать средствъ соединить наши православныя общества съ вашими церквами и тѣснѣйшимъ какимъ-либо союзомъ любви связать на послѣдующее время. Мы сочли нужнымъ просить отъ васъ совѣта и содѣйствія, чтобы, если это возможно, устранивши все несогласное съ евангельскою истиною служить Богу, подъ единою главою Христомъ, въ единствѣ вѣры и братской любви. Сколько мы могли узнать изъ новѣйшихъ писателей вашей церкви, между нами существуетъ наилучшее соглашеніе. О церемоніяхъ же и внѣшнихъ обрядахъ теперь не разсуждаемъ, ибо знаемъ, что иногда многое слѣдуетъ допускать, снисходя ко времени и долгой привычкѣ“. Авторы письма просили патріарха назначить время и мѣсто для веденія переговоровъ ¹⁾. Письмо это вмѣсто патріарха константинопольскаго попало Мелетію александрійскому, управлявшему тогда дѣлами церкви Константинопольской, на правахъ мѣстоблюстителя. Сохранилось и другое письмо, написанное въ тоже время и на имя Мелетія александрійскаго и подписанное однимъ изъ тѣхъ лицъ, имя котораго значится въ подписи подъ письмомъ, нами уже изложенномъ. Здѣсь между прочимъ читаемъ: „если у васъ есть въ настоящее время какое-либо сокращенное изложеніе ученія вашей церкви, то мы охотно приняли бы его и прочли. И мы питаемъ увѣренность, что наши братскія предложенія о вѣрѣ и благочестіи будутъ имѣть добрый пріемъ у васъ, такъ чтобы мы соединились въ братской любви во Христѣ и стали едино въ Господѣ и Его истинѣ“ ²⁾. Объ этихъ сношеніяхъ протестантовъ съ восточною церковію хо-

¹⁾ Проф. Малышевскаго. Александрійскій патріархъ Мелетій, т. 2-ой. стр. 146—149. Кіевъ, 1872. Томъ этотъ представляетъ исключительно собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Мелетія.

²⁾ Тамъ-же, 152—153.

ропо зналъ Кириллъ, находившійся въ это время въ тѣхъ же странахъ, изъ которыхъ писаны эти письма: сюда прибылъ Кириллъ, въ санѣ архимандрита, по волѣ именно Мелетія, для наблюденія за ходомъ здѣшнихъ церковныхъ дѣлъ. Конечно, Кириллъ освѣдомленъ былъ и по отношенію къ тѣмъ отвѣтамъ, которые получились отъ Мелетія. Послѣдній благосклонно встрѣтилъ эти письма и намѣренъ былъ дать дѣлу надлежащій ходъ. Такъ въ письмѣ къ протестанту Мартину броневскому, онъ говорилъ: „Мы скорбимъ и должны скорбѣть, что мы не столько раздѣлены такими разстояніями странъ, сколько по тѣмъ дѣламъ, гдѣ слѣдуетъ быть единодушными тѣмъ, которые носятъ имя Христа Бога. Но мы уповаемъ, что будетъ нѣкогда время, когда и имъ положить конецъ Всевышній Промыслитель“ ¹⁾. Нужно сказать, что польско-литовскіе протестанты прислали Мелетію и свое вѣроизложеніе, состоявшее такъ-же изъ 18 членовъ, какъ и „Исповѣданіе“ Кирилла. Въ рѣшеніи дальнѣйшихъ вопросовъ, по мысли Мелетія, отводилось значительное мѣсто и для дѣятельности Кирилла, который, какъ видно изъ писемъ Мелетія къ вышеуказаннымъ лицамъ, пользовался благорасположеніемъ польско-литовскихъ протестантовъ ²⁾. Положимъ, эти сношенія протестантовъ въ восточную церковь, за скорую смертію Мелетія, остались безъ послѣдствій; но во всякомъ случаѣ они побуждали Кирилла впоследствии не страшиться подобныхъ же переговоровъ съ протестантами о соединеніи церквей. Быть можетъ, и вѣроизложеніе протестантовъ, о которомъ мы упоминали, имѣло какое-либо значеніе въ дальнѣйшей исторіи Кирилла. Можно во всякомъ случаѣ утверждать, что мысль о сближеніи съ протестантами уже и въ это время заинтересовала его. Мысль эта не угасала у него и впоследствии. Извѣстный уже намъ Митрофанъ Критопуль отправленъ былъ Кирилломъ въ 1617 году въ продолжительное заграничное путешествіе по странамъ протестантскимъ какъ для его научнаго образованія, такъ и за тѣмъ, чтобы, ознакомившись съ протестантскими церквями и ихъ ученіемъ, выработать планъ соединенія этихъ церк-

¹⁾ Тамъ-же, 145—146.

²⁾ Тамъ-же. 144—145.

вей и греческой церкви ¹⁾. Самъ Критопулъ о составленномъ имъ заграницею „Исповѣданіи вѣры“ говоритъ, что онъ хотѣлъ при его посредствѣ облегчить соглашеніе между протестантами и Греками, именно онъ писалъ одному протестантскому проповѣднику: „когда увидятъ (протестанты), что мы согласны въ самомъ необходимомъ, то поймутъ что и остальное легко и удобно можетъ быть улажено“ ²⁾. Очевидно, мысль о сблизеніи вышеуказанныхъ исповѣданій съ давнихъ поръ глубоко залегла въ душѣ Кирилла. Прибытіе въ Константинополь женевского кальвиниста Лежера подогрѣло ее. Умъ и вліяніе Лежера dokonчили остальное. Кирилль самъ пошелъ на встрѣчу протестантамъ и позволилъ издать въ свѣтъ его, только-что рассмотрѣнное, „исповѣданіе“...

Если уже во время бытія Кирилла патріархомъ александрійскимъ неправославныя его идеи возбуждали движеніе противъ него, (о чемъ было сказано раньше), то тѣмъ болѣе этого можно было ожидать съ перемѣщеніемъ его на кафедру константинопольскую. Такъ и случилось. Посольства римско-католическихъ державъ, вскорѣ убѣдившись въ протестантскихъ тенденціяхъ патріарха, всячески старались вредить ему. Въ 1623 году французскій посланникъ писалъ своему королю: „вы приказываете мнѣ постараться, если возможно низвергнуть греческаго патріарха въ Константинополь, какъ еретика весьма опаснаго. Я не теряю случая. Этотъ патріархъ весьма опасный еретикъ, онъ не имѣетъ иной цѣли, какъ довести церковь римскую до ослабленія и утвердить кальвинское ученіе въ Греціи и во всѣхъ странахъ восточныхъ“ ³⁾. Въ виду этого, католическія посольства низвергали Кирилла съ кафедры, а протестантскія— снова возводили его; патріаршее мѣсто въ Константинополь сдѣлалось ареной интригъ и прискорбныхъ случайностей. Въ 1628 году Константинополь посѣтили Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, и Кирилль, безъ всякой осторожности далъ прочесть ему

1) *Υπερέτης*, σελ. 100.

2) Письмо это въ переводѣ напечатано въ преждеупомянутой статьѣ проф. Троицкаго: „Труды архим. Андроника Димитракопула, стр. 616. Cf. Legrand, IV, 339.

3) См. ректора А. В. Горскаго вышеуказанную статью: „о соборѣ іерусалимскомъ 1672 года“, стр. 584 (Прибавл. къ Твор. Отцевъ, т. 34).

какое-то свое рукописное сочиненіе, въ формѣ діалога, въ которомъ утверждалось, что нужно признавать только два таинства, что молитвы за умершихъ бесполезны и проч. А на словахъ Кирилль еще сказалъ, что исповѣдь во грѣхахъ не нужна. Вскорѣ все это огласилось, благодаря одному сочиненію Мелетія, изданному въ 1629 году ¹⁾. Кирилль сталъ предметомъ недоброжелательнаго вниманія и за предѣлами его церкви. Первое изданіе „исповѣданія“ Кирилла въ томъ же 1631 году вызвало опроверженіе со стороны греко-унита Матвея Каріофила ²⁾. Православіе Константинополя омрачилось. Но особенно сильное движеніе возникаетъ въ Константинополѣ вскорѣ по появленіи „исповѣданія“ Кириллова въ греческомъ оригиналѣ. По словамъ письма Лежера ³⁾, написаннаго въ 1634 г. въ Женеву, злоба враговъ Кирилла усилилась, появились „летучія сочиненія въ формѣ писемъ“ или точнѣе сказать „пасквили“, пущены были въ дѣло „все-возможныя ухищренія самого ада“. Смута росла....

По изложеніи и разъясненіи замѣчательнѣйшаго факта изъ жизни Кирилла Лукариса, т. е. обнаруженія имъ извѣстнаго исповѣданія, доскажемъ остальную исторію этого патріарха, держась твердо намѣченныхъ нами рамокъ.

Вскорѣ патріархъ по прояскамъ римско-католическихъ посланниковъ, нашедшихъ себѣ поддержку въ греческихъ архіереяхъ, лишается кафедры, и претерпѣваетъ ссылку сначала на Тенедосъ, потомъ на Хіосъ, наконецъ на Родосъ. Изъ этихъ мѣстъ заточенія онъ написалъ нѣсколько писемъ или точнѣе записокъ, къ извѣстному уже намъ Лежеру, находившемуся въ это время въ Константинополѣ при исполненіи своихъ обязанностей. Въ этихъ письмахъ Кирилль неоднократно возмущается о своей крѣпкой привязанности къ кальвинизму и сообщаетъ нѣкоторыя извѣстія о томъ противодѣйствіи его ученію, какое онъ встрѣчалъ въ это время. Въ первомъ изъ писемъ къ Лежеру, Кирилль, опасаясь, чтобы изгнаніе не кончилось смертію для него, проситъ своего друга въ подобномъ случаѣ заявить слѣдующее: что онъ, Кирилль, умеръ, оставаясь вѣрнымъ ученію Кальвина,

¹⁾ Pichler, S. 204. Малышевскаго Мелетій, т. I, 560.

²⁾ Legrand. Tome I, 288.

³⁾ Ibidem, p. 350.

какъ это ученіе изложено въ его собственномъ „исповѣданіи“ и въ прочихъ извѣстныхъ реформатскихъ исповѣданіяхъ; что онъ всегда страшился заблужденій папистовъ и суевѣрій Грековъ; что онъ одобряетъ и пріемлетъ ученіе достойнѣйшаго учителя Іоанна Кальвина и всѣхъ его послѣдователей ¹⁾. Письмо относится къ марту 1634 г. Въ другомъ письмѣ къ Лежеру, очевидно подъ вліяніемъ споровъ съ однимъ изъ жаркихъ его противниковъ, Корессіемъ, врачомъ по профессіи, онъ, съ насмѣшкою пишетъ объ этомъ лицѣ, осмѣивая непониманіе имъ протестантскаго ученія о единомъ Ходатаѣ; по сужденію Кирилла, Корессій и его ученики такъ невѣжественны, что они могутъ возбуждать только ужасъ. Здѣсь же встрѣчаемъ неприличное въ устахъ автора замѣчаніе о Евхаристіи, именно такое: „пресуществленіе изъ кусочка хлѣба или даже изъ сухой крошки дѣлаетъ Христа“ ²⁾. Еще въ другомъ письмѣ (1635 г., какъ и предшествующее) Кириллъ благодаритъ Лежера за присылку ему какого-то рукописнаго сочиненія о Евхаристіи; это сочиненіе Лежера онъ очень хвалитъ, называетъ его угоднымъ Богу, и собирается перевести его на греческій языкъ. Въ этомъ же письмѣ Кириллъ выражаетъ сомнѣніе въ подлинности посланія ап. Іакова, такъ какъ оно будтобы стоитъ въ противорѣчій съ ученіемъ апостола Павла объ оправданіи вѣрою. Авторъ письма еще дѣлаетъ замѣчаніе, что писатель посланія ничего не говоритъ о таинствѣ воплощенія и вообще холодно говоритъ объ І. Христѣ, едва упоминая Его имя ³⁾. Последнее письмо, писанное Кирилломъ Лежеру изъ ссылки же, тоже заслуживаетъ вниманія (1636 г.). Въ немъ онъ всячески бранитъ вышупомянутаго врача Корессія, его противника; отсюда можно заключать, что Корессій своею православною полемикою слишкомъ досаждалъ патриарху. Кириллъ выставляетъ его приверженцомъ нѣкоторыхъ папскихъ доктринъ, именуетъ его презрителемъ благодати Іисуса Христа, искажителемъ ученія о Евхаристіи, объявляетъ его еретикомъ, достойнымъ вѣчнаго осужденія, идолопоклонникомъ, и наконецъ пишетъ о немъ, что въ глупости

¹⁾ Pichler, 164.

²⁾ Aumon, 67. Legrand, p. 479.

³⁾ Aumon, 85—86. Legrand 477—478.

сердца онь преисполненъ атеизма ¹⁾. Кстати передадимъ свѣдѣнія еще объ одномъ письмѣ Кирилла къ Лежеру, писанномъ уже по возвращеніи Лежера съ Востока въ Женеву, такъ сказать, прощальное письмо (въ 1637 г.). Авторъ увѣряетъ Лежера, что у всѣхъ Грековъ будетъ сохраняться о немъ память, какъ о человѣкѣ, отличающемся честностію, ученостію и святостію. Благодарить Бога, давшего Лежеру возможность благополучно совершить его возвращеніе съ Востока. Обнадеживаетъ его и повидимому самъ вѣрить, что съ „благословеніемъ Божиимъ, церковь греческая получитъ новое лучшее теченіе, что православная евангельская (кальвинская) вѣра распространится, истина возсіяетъ и что все будетъ реформировано согласно слову Божию“. Письмо оканчивается словами: „братски привѣтствую всѣхъ достопочтенныхъ учителей вашей церкви и молю Господа, чтобы Онъ благословилъ ихъ успѣхомъ во всѣхъ ихъ начинаніяхъ“. ²⁾

Очень любопытно письмо Кирилла, написанное имъ въ Женеву же вскорѣ по возвращеніи его въ 1636 году изъ ссылки въ Константинополь. Изъ письма видно, что въ этомъ случаѣ онь не тотчасъ поселился въ патриархіи, хотя и занялъ патриаршее мѣсто, а долго проживалъ въ качествѣ гостя у голландскаго посланника—указаніе на большую близость хозяина и гостя. Письмо адресовано не на имя отдѣльнаго лица, а на имя—всего лучшаго общества Женевы, именно такъ: „великимъ и славнымъ сенаторамъ, достопочтеннѣйшимъ ученымъ, пасторамъ, профессорамъ и правителямъ города Женевы и ея церкви“, которыхъ онь именуетъ „друзьями и возлюбленнѣйшими братьями о Христѣ“ и которымъ онь желаетъ братскаго мира и всякаго благополучія. Затѣмъ онь восхваляетъ Лежера за то, что онь оказалъ большія услуги церкви (греческой) и за то, что онь разъяснилъ самому Кириллу многое по части догматовъ и вообще раскрылъ ему истину въ разныхъ отношеніяхъ. Авторъ пользуется случаемъ, чтобы возвеличить и имя Кальвина, называетъ его святѣйшимъ и мудрѣйшимъ учп-

¹⁾ Aumon, 107—108. Legrand, 483—484.

²⁾ Aumon, 115—118. Legrand, 486—488.

телемъ (*doctor santissimo e sapientissimo*), ¹⁾, который блаженствуетъ на небесахъ въ сонмѣ величайшихъ праведниковъ“. Еще разъ онъ же заявляетъ, что онъ открываетъ свое сердце предъ вселюбезнѣйшими братіями, утверждая, что онъ принимаетъ ученіе ихъ за православное и католическое ученіе и отвергаетъ римское, какъ извращенное. Онъ сознается, что противъ такой исповѣди его подвигнутся и самыя горы, но онъ не перестанетъ говорить: Господь мое спасеніе, кого устрашуся? Въ концѣ письма, Кирилль въ чувствѣ благодарности предъ голландскимъ посланникомъ Гагеномъ, называетъ его „столпомъ и утвержденіемъ православной католической вѣры“ ²⁾. Въ этомъ письмѣ Кирилль высказывается ясно и въ полной мѣрѣ.

Конецъ жизни Кирилла, какъ извѣстно, былъ въ высшей степени трагическій. По политическимъ подозрѣніямъ, онъ былъ по распоряженію турецкой власти удушенъ и трупъ его поверженъ въ море. Это произошло въ 1638 году.

Какъ смотрѣть на такой странный и необычайный фактъ увлеченія протестантизмомъ со стороны патріарха Кирилла Дукариса, — увлеченія, доходившаго до того, что онъ рѣшился даже выдать „исповѣданіе“ въ духѣ кальвинизма? Какъ объяснить себѣ возможность появленія такого историческаго факта? какой цѣли стремился достигнуть Кирилль? Отвѣтъ на вопросъ старается дать извѣстный римско-католическій писатель Пихлеръ въ слѣдующихъ словахъ: „Не сомнѣнно Кирилль обладалъ стремительнымъ умомъ и большою природною любознательностію, которые благодаря его учителямъ сильно развились и обогащены познаніями. Но въ греческой церкви не существовало никакой богословской школы, которая научила бы его разобратся въ тѣхъ воззрѣніяхъ, съ какими ему приходилось встрѣчаться. Между тѣмъ, онъ постоянно долженъ былъ выслушивать насмѣшливые отзывы европейцевъ о крайнемъ невѣжествѣ греческаго клира, и потому онъ сталъ стыдиться своей принадлежности къ этому послѣднему. Къ этому располагало его и то, что сдѣлавшись патріархомъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, онъ приписывалъ такой успѣхъ своей импонирую-

1) Письмо написано поштальянски.

2) Азмон, р. 1—6. Legrand. 457—460.

щей учености, а толпа льстецовъ поддерживала его въ такомъ самомнѣннн. Знаменитые государственные мужи и ученые предлагали ему свою дружбу, и вотъ по Европѣ разнеслась слава о его учености и доблестяхъ. Въ немъ, Кириллѣ, утверждалось воззрѣнн, что у него нѣтъ ничего общаго съ Греками современности, что они стоятъ неизмѣримо ниже его, да и сами они говорили, что по сравненн съ нимъ они ослы. Единственное отношенн, въ какое онъ могъ поставить себя къ нимъ, — это сдѣлаться {реформаторомъ у нихъ: такъ по крайней мѣрѣ казалось ему. Но эта предполагаемая реформа могла придти только съ Запада, и притомъ отъ протестантовъ; другой возможности ему не представлялось, такъ какъ весь ходъ его образованн ставилъ его во враждебныя отношенн къ Риму. Это, а не другое что сдѣлало его еретикомъ, (т. е. протестантомъ): ненависть къ Риму съ одной стороны и гордость своимъ образованн, ставившимъ его высоко надъ Греками, съ другой. Тѣмъ и другимъ воспользовались въ своихъ интересахъ протестанты; въ ихъ рукахъ онъ сталъ игрушкой. Первыми интеллектуальными виновниками настроенн были Голландцы, которые смотрѣли на Востокъ, какъ на {мѣсто развитн ихъ пропаганды, а на Кирилла при его безхарактерности, какъ на орудн къ достиженн своихъ цѣлей. Несправедливо было бы думать обратное, т. е., что Кириллъ воспользовался кальвинистами, какъ средствомъ къ достиженн его честолюбивыхъ плановъ (разумѣется желанн его, при ихъ посредствѣ удерживаться на патрнршей каедрѣ), ибо такое пониманн дѣла противорѣчитъ не только фактамъ, но и характеру его, лишенному необходимой твердости и энергн“¹⁾. Въ этомъ объясненн факта нельзя не находить много вѣрнаго. Но мы не думаемъ, чтобы Кириллъ въ самомъ дѣлѣ мечталъ сдѣлаться дѣйствительнымъ реформаторомъ греческой церкви въ духѣ протестантства. Самъ онъ высказывался въ двоякомъ родѣ: то представлялъ себѣ реформу возможною и легко осуществимою (письма въ Женеву), то желательною, но далекою отъ осуществленн (письма къ Утенбогарту)—и едвали нужно сомнѣваться, что въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ болѣе искрененъ. Да и для роли

¹⁾ Pichler, s. 109—110.

реформатора онъ не годился. Онъ много говорилъ о реформѣ и *ничего* не дѣлалъ для нея. Развѣ такъ поступаютъ дѣйствительные реформаторы? Всѣ его мысли о реформѣ мысли чужія, взятыя на прокатъ. Самъ онъ въ этомъ случаѣ не придумалъ ничего. Изъ такой личности не могло выдти инициатора дѣла; а безъ собственной инициативы важнаго дѣла сдѣлать невозможно. Самъ Кириллъ хорошо сознавалъ это—и дальше словъ не шель. Правда, онъ издалъ извѣстное „исповѣданіе“—и въ этомъ, конечно, была своя цѣль. Кириллъ такимъ смѣлымъ поступкомъ хотѣлъ и другихъ Грековъ сдѣлать смѣлѣе, заставить ихъ выдти изъ инертнаго состоянія. Но его поступокъ не вызвалъ соответствующаго движенія. Вѣроятноже всего, Кириллъ рассчитывалъ, что реформа будетъ входить въ жизнь сама собою, безъ крутого переворота, въ силу сознанія о необходимости для греческой церкви выдти изъ вѣковаго застоя. Однако расчеты патріарха нисколько не оправдались.

Одно можно утверждать: въ греческой церкви XVII вѣка, безъ сомнѣнія по примѣру и подъ вліяніемъ Кирилла, образовался небольшой кружокъ протестанствующихъ богослововъ, къ разсмотрѣнію котораго и обратимся.

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
